

[Выступление Главнокомандующего Фиделя Кастро Руса в сквере «Карлос Мануэль де Сеспедес» г. Сантьяго-де-Куба, 1 января 1959 года \[1\]](#)

Дата:

01/01/1959

Жители города Сантьяго-де-Куба, соотечественники!

Наконец мы в Сантьяго-де-Куба. (Аплодисменты). Тяжелым и длинным был путь, но мы дошли! (Аплодисменты).

Ходили слухи, что сегодня, в 14:00 нас ждали в столице Республики, что меня лично удивило (Аплодисменты), ведь для нас, и в первую очередь для меня, стал неожиданностью этот предательский, мошеннический военный переворот, происшедший сегодня утром в столице Республики. (Аплодисменты).

К тому же, я и должен был находиться в столице Республики – в ее новой столице (аплодисменты), поскольку город Сантьяго-де-Куба, по желанию временного президента, по желанию Повстанческой армии и по желанию жителей Сантьяго-де-Куба, которые достойны этой чести, признан столицей. (Аплодисменты). Город Сантьяго-де-Куба назначен временной столицей Республики! (Аплодисменты).

Быть может, кому-то это решение покажется неожиданным, но ведь именно в этом и заключается особенность Революции – делать то, что не делалось никогда. (Аплодисменты). Объявляя город Сантьяго-де-Куба временной столицей Республики, мы знаем, почему мы это делаем. Это не демагогия в попытке польстить населению этого города, Сантьяго и без того всегда был самым надежным бастионом Революции! (Аплодисменты).

Революция начинается сейчас. Революция будет нелегким делом. Революция будет тяжелым и полным опасностей предприятием, особенно на этом начальном этапе, и нет лучше места для формирования правительства Республики, чем этот бастион Революции (аплодисменты, крики); чтобы все знали, что это правительство будет располагать всеобщей поддержкой жителей героического города и селений в горах Сьерра-Маэстра, потому что Сантьяго – это тоже Сьерра-Маэстра. (Возгласы и аплодисменты). Город Сантьяго-де-Куба и Сьерра-Маэстра станут самыми мощными бастионами Революции. (Аплодисменты).

Кроме того, есть и другие причины: революционное военное движение, истинное революционное военное движение не было организовано в казарме «Колумбия». В казарме «Колумбия» был подготовлен «переворот» – тайком от народа, за спиной у Революции, и, главное, при пособничестве самого Батисты. (Аплодисменты).

Поскольку правда должна быть высказана, и поскольку мы здесь для того, чтобы помочь народу разобраться в ситуации, я говорю и уверяю вас, что переворот, организованный в казарме «Колумбия», является попыткой лишить народ власти, а Революцию – победы. И, к тому же, чтобы способствовать побегу Батисты, и чтобы могли сбежать все эти Табернильясы, Пилар Гарсиясы, Чавианосы, Салас Канисаресы и Вентуры. (Аплодисменты).

Переворот из военного городка «Колумбия» - это амбициозный и предательский удар, не заслуживающий иного определения. Мы умеем называть вещи своими именами и отвечать за свои слова. (Аплодисменты).

Не буду ходить вокруг да около, скажу прямо: генерал Кантильо нас предал. Я не только скажу, но и докажу это. Мы ведь уже давно предупреждали: не старайтесь в последний момент разрешить ситуацию посредством «военного минипереворота», ибо даже в случае военного переворота за спиной у народа Революция продолжится, и на этот раз Революция не будет провалена.

На этот раз, к счастью для Кубы, Революция пришла к власти по-настоящему. Теперь все будет иначе, не так, как в 1895 году, когда пришли американцы и стали здесь хозяйничать. (Аплодисменты). Вмешались в конфликт в последний момент, а затем отказались пустить в Сантьяго-де-Куба Каликсто Гарсию, воевавшего на протяжении 30 лет, они даже не позволили ему войти в город. (Аплодисменты). Все будет иначе, не как в 1930 году, когда народ начал верить, что свершается Революция, и пришел господин Батиста, предал Революцию, захватил власть и учредил диктатуру, которая длилась на протяжении 11 лет. Не повторится и 1944 год, когда воспрянувшие духом массы поверили, что к власти, наконец, пришел народ, а потом оказалось - что воры. Не будет ни воров, ни предателей, ни захватчиков. На сей раз это настоящая Революция.

Тем не менее они не хотели этого. В те самые моменты, когда диктатура рушилась на фоне военных побед Революции, когда они уже не смогли бы продержаться ни 15 дней, появляется господин Кантильо в образе рыцаря свободы. Мы, разумеется, никогда не отказывались от содействия, которое избавило бы нас от кровопролития, если только это не ставило под угрозу цели Революции. Мы, разумеется, всегда обращались к военным в поисках мира, однако единственный способ добиться мира заключался в том, чтобы мир наступал вместе со свободой, вместе с победой Революции.

Поэтому, когда 24 декабря мне передали просьбу генерала Кантильо о встрече, я согласился. Должен признаться, что ввиду развития событий и успешного хода наших военных действий, мне совершенно не хотелось ввязываться в разговор о военных движениях; однако я понял, что это мой долг, что мы, люди, несущие ответственность, не должны подчиняться эмоциям. Но если появилась возможность добиться победы с наименьшим кровопролитием, то я посчитал своим долгом выслушать предложения военных. (Аплодисменты).

Я встретился с господином Кантильо, который говорил со мной от имени армии. Встреча состоялась 28 числа в 8 часов утра на сахарном заводе Ориенте, куда он прибыл на вертолете. Мы разговаривали на протяжении 4 часов. Это вовсе не выдумки, ничего подобного, есть очень надежные свидетели этой встречи. Там был доктор Рауль Чивас, там был католический священник, там присутствовало несколько военных, и их показания ни в коем случае не могут быть поставлены под сомнение.

Там, после обсуждения всех проблем Кубы и уточнения всех деталей было принято решение об организации революционного военного движения генералом Кантильо при нашей поддержке. Вот первое, на что я обратил его внимание после всестороннего обсуждения обстановки: положение армии, положение, в котором оказалась армия по вине диктатуры; я объяснил, что его не должна волновать ни судьба Батисты, ни судьба Табернильяса, ни судьба ему подобных, потому что эти люди относились к кубинским военным весьма неуважительно, что именно они склонили военных к войне с народом, войне, которая всегда заканчивается поражением, ибо войну с народом выиграть невозможно. (Аплодисменты).

После того, как мы поговорили о том, что военные стали жертвами аморального режима, что средства, предназначенные для приобретения вооружения, расхищались, что солдат постоянно

обманывали, что эти люди не стоят ни малейшего уважения со стороны честных военных, что армия не должна брать на себя вину за преступления, совершенные бандами приспешников Батисты, я предупредил его, и предупредил со всей ясностью, что я, со своей стороны, никогда не дам разрешения на действия, которые способствовали бы побегу Батисты. Я предупредил: если Батиста собирается бежать, пусть бежит без промедления, а вместе с ним Табернилья и вся остальная компания, но если в наших руках не допустить этого, мы должны предотвратить побег Батисты. (Аплодисменты).

Все знают, что нашим первым требованием для того, чтобы договориться с нами в случае военного переворота, была выдача военных преступников, это было главным условием.

Батисту и всех его сообщников можно было задержать. Я ему (генералу Кантильо) ясно сказал, что не согласен с побегом Батисты. Я ему ясно объяснил, что нужно было делать; что ни я, ни движение 26-е июля, ни народ не поддержим государственный переворот, ибо именно народ, и никто иной, завоевал свою свободу. (Аплодисменты).

Мы лишились свободы в результате военного переворота, и чтобы положить конец военным переворотам раз и навсегда, нужно было завоевать свободу ценой самопожертвования народа, ибо перевороты – один завтра, другой послезавтра, третий через два года, а следующий через три – ни к чему не приводят; ибо, в конечном счете, править должен только народ, и никто кроме народа. (Аплодисменты).

А военные должны безоговорочно служить народу, подчиняться народу, подчиняться Конституции и законам Республики.

Если правительство никуда не годится, потому что ворует и плохо работает, нужно чуть подождать, а по наступлении выборов негодное правительство заменить; именно поэтому правительства в конституционных демократических режимах избираются на ограниченный срок. Если правительство плохое, то народ его сменяет и голосует за другое – лучшее.

В задачи военных не входит избрание правителей, они должны способствовать соблюдению законов, соблюдению гражданских прав. (Аплодисменты). Потому я ему сказал: государственному перевороту – нет! Революционному военному движению – да! И не в казарме «Колумбия», а в городе Сантьяго-де-Куба! (Аплодисменты).

Я ему совершенно ясно сказал, что единственным способом достигнуть союза и содружества народа, военных и революционеров был не «утренний путч» в казарме «Колумбия» в 2 или 3 часа ночи в тайне от всех, как привыкли действовать эти господа, но организация восстания в гарнизоне Сантьяго-де-Куба, достаточно укрепленном и вооруженном для того, чтобы положить начало военному движению, к которому примкнул бы народ, примкнули бы революционеры, поскольку учитывая положение, в котором оказалась диктатура, всякое сопротивление было бы невозможным, поскольку к движению немедленно присоединились бы все гарнизоны страны. И на том мы договорились.

Помимо нашей договоренности я взял с него обещание, поскольку он на следующий день собирался ехать в Гавану. Я ему говорил: «В Гавану вам ехать рискованно». Он отвечал: «Нет, не рискованно». Я: «Вы рискуете быть арестованным, поскольку это заговор... а здесь и у стен есть уши». Он в ответ: «Нет, меня не арестуют, я уверен». Разумеется, как его могли арестовать, если переворот был спланирован Батистой и Табернильей. Я тогда еще подумал: либо у этого человека все улажено и находится под контролем, либо что-то с этим переворотом не так. И я попросил: «Пообещайте мне, что в Гаване вы не поддадитесь на уговоры совершить переворот в столице в интересах тех, кто стоит за вами. Обещайте, что вы этого не сделаете». Он ответил: «Обещаю». Я: «Поклянитесь». Он в ответ: «Клянусь вам».

Я считаю, что военный, в первую очередь, должен быть человеком чести, что в первую очередь

военный должен быть человеком слова; этот же господин показал не только свое бесчестие, не только не сдержал слова, но и продемонстрировал свою безмозглость. Поскольку вместо акции, которая с самого начала могла быть организована при поддержке народа, и победа которой была обеспечена заранее, он прыгнул в пропасть. Думал, что народ и Революцию можно будет весьма легко обмануть.

Он знал кое-что, он знал, что как только станет известно, что Батиста сел в самолет, ликующий народ заполнит улицы. Они решили, что народ недостаточно грамотен для того, чтобы отличить побег Батисты от Революции. И получится: раз Батисты нет, власть захватывают дружки Кантильо, и очень даже может случиться так, что доктору Уррутии точно так же придется уехать месяца через три; потому что они предали нас сейчас и точно так же предадут нас позже. И то, что господин Кантильо предал нас еще до переворота – бесспорная правда. Я сказал, что докажу это, и я это сделаю.

Мы договорились с генералом Кантильо, что восстание начнется 31 числа в 15:00. Было ясно сказано, что вооруженные силы безоговорочно поддержат революционное движение, президента, избранного революционным руководством, и военных, назначенных на должности революционным руководством. Мы предлагали безоговорочную поддержку.

План был согласован до мельчайших подробностей: 31 числа в 15:00 должен был восстать гарнизон в г. Сантьяго-де-Куба. Вслед за этим, в город немедленно должны были войти колонны повстанцев, к которым тотчас же присоединился бы народ вместе с военными, таким образом. Призыв ко всем честным военным примкнуть к движению прозвучал бы на всю страну.

Было решено, что все имевшиеся в городе танки должны перейти в наше распоряжение, и я вызвался лично вести бронированную колонну, которая будет двигаться на столицу вслед за танками. Танки должны были быть переданы мне в 15:00, и не потому что мы думали, что придется вести бои, а на случай, если в Гаване движение потерпит неудачу, и возникнет необходимость дислоцировать наши передовые отряды как можно ближе к столице. Ну, и для того, чтобы предотвратить любые беспорядки в городе Гаване.

Было логичным полагать, что ненависть к полиции, порожденная ужасающими преступлениями Вентуры и Пилар Гарсии, после падения Батисты могла привести к накалу страстей среди населения. К тому же, полицейские не чувствовали за собой морального права сдерживать народ, как это и произошло в действительности.

В столице вспыхнули массовые беспорядки: начались грабежи, перестрелки, поджоги. Вся ответственность падает на генерала Кантильо, поскольку он не сдержал слова и не последовал намеченному плану. Думал, что назначением капитанов и начальников полиции, многие из которых к этому моменту уже покинули страну (знак того, что совесть была нечиста), он решил бы проблему.

Совсем по-другому, однако, было в Сантьяго-де-Куба. Какой порядок, какая гражданская сознательность! Какую дисциплину продемонстрировал народ! Ни одного случая грабежа, ни одного случая личной мести, никого не волокли по улицам города, ни одного поджога. Замечательный пример поведения показал г. Сантьяго-де-Куба, и это несмотря на две вещи: этому городу, как никакому другому, пришлось вынести страдания и испытать все ужасы террора, поэтому его население имело большее право на возмущение (аплодисменты), и, кроме того, несмотря на наши заявления сегодня утром о том, что мы против переворота.

Сантьяго-де-Куба показал настоящий пример поведения! Я считаю, что поведением городом Сантьяго-де-Куба может гордиться народ, революционеры и военные гарнизона г. Сантьяго-де-Куба. (Аплодисменты).

Теперь никто не скажет, что Революция – это анархия и беспорядки. Это имело место в Гаване,

но по-другому случилось в Сантьяго-де-Куба, городе, который мы можем ставить в пример при любых попытках обвинить Революцию в анархизме и отсутствии организации. (Аплодисменты).

Было бы полезным ознакомить народ с содержанием писем между мною и генералом Кантильо. Если вы еще не устали (возгласы и восклицания: «Нет!»), то я могу их вам зачитать.

После того, как были приняты решения, когда мы уже прекратили военные операции по взятию Сантьяго-де-Куба, поскольку уже 28 числа наши войска находились совсем близко от города, и все было готово для штурма гарнизона, нам – согласно результатам встречи – пришлось внести ряд изменений, отменить военные действия по захвату Сантьяго-де-Куба и перенаправить наши войска на другие объекты, где, как предполагалось, успех движения не был обеспечен с самого начала. Когда все наши действия были произведены, и колонна была готова двигаться к столице, в последний момент я получаю записку от генерала Кантильо, в которой говорится буквально следующее:

«Обстоятельства значительно изменились положительно в пользу решения в масштабе страны» – то есть в пользу его собственного решения относительно Кубы. Странная вещь, ведь после анализа всех имеющихся факторов, обстоятельства и так были самыми что ни на есть подходящими. Победа была обеспечена, поэтому очень странно было читать: «Обстоятельства изменились положительно». Ну да, «обстоятельства» в том смысле, что Батиста и Табернилья были в сговоре, и переворот был обеспечен. «(...) Рекомендую в данный момент ничего не предпринимать в ожидании событий, которые должны произойти в ближайшие недели, не позднее 6 числа».

Разумеется, с одной стороны прекращение военных действий на неопределенный срок, в то время как они увяжут все вопросы в Гаване.

Я тут же ответил:

«Содержание вашей записки не имеет ничего общего с принятыми решениями, оно двусмысленное и непонятное. И заставило меня усомниться в серьезности принятых решений. Военные действия начнутся завтра в 15:00, то есть в установленные для операции день и время». (Аплодисменты).

Тогда же произошла весьма занятная вещь. Помимо записки, очень короткой, я приказал курьеру передать начальнику гарнизона Сантьяго-де-Куба, что если начнутся военные действия из-за невыполнения договоренности, и мы будем вынуждены атаковать гарнизон Сантьяго-де-Куба, то не останется иного выхода, как требовать капитуляции гарнизона; что мы потребуем капитуляции гарнизона, если начнутся военные действия, и мы будем атаковать. Однако посыльный неправильно меня понял и, передавая записку полковнику Рего Рубидо, сказал ему, что какой бы то ни была договоренность между нами я требую капитуляции гарнизона. Он не передал ему то, что я сказал: «если начнется атака», и что не ставил генералу Кантильо никаких условий относительно капитуляции гарнизона.

В результате в ответ на записку начальник гарнизона Сантьяго-де-Куба полковник Рубидо направил мне весьма витиеватое и преисполненное чувством затронутого самолюбия письмо, которое я также прочту вам. Разумеется, он был оскорблен такой постановкой вопроса – по ошибке посыльного, и написал следующее:

«Найденное решение – это ни военный переворот, ни военный совет. Тем не менее, мы считаем это решение наиболее выгодным для доктора Фиделя Кастро, учитывая его идеи, поскольку в течение 48 часов он заполучит в свои руки судьбу страны. Это решение носит не локальный характер, но охватывает всю страну, поэтому любое неосторожное действие может расстроить или поставить его под удар, породив беспорядки. Полагайтесь на наши действия, и ситуация разрешится до 6 числа.

Что касается Сантьяго, из-за вашей записки и переданных посыльным ваших слов, план необходимо изменить и не входить в город. Ваши слова породили недовольство среди «ключевых» кадров, которые никогда не сложат оружие без боя. Оружие не сдается союзнику, его не слагают, поступаясь честью».

Очень красивая фраза начальника казармы Сантьяго-де-Куба.

«Если нам не доверяют, или если Сантьяго будет атакован, договоренности будут считаться нарушенными, и все действия, предусмотренные предложенным решением, будут парализованы, формально освобождая нас всех обязательств. И поскольку на то, чтобы действовать тем или иным образом требуется время, мы надеемся на своевременный ответ, чтобы успеть передать его в Гавану с вечерним "Вайкаунтом".

Мой ответ на письмо полковника Хосе Педро Рубидо был следующим:

«Свободная территория Кубы, 31 декабря 1958 года.

Господин полковник,

Произошла весьма неприятная ошибка при передаче вам моих слов. Быть может, это случилось из-за того, что на вашу записку я должен был ответить в срочном порядке, и разговор с посыльным был поспешным. Я не говорил ему, что условием, выдвинутым нами в достигнутых договоренностях, являлась капитуляция гарнизона Сантьяго-де-Куба нашим войскам. Это было бы невежливо по отношению к нашему гостю и недостойным и оскорбительным для военных предложением, которые так по-братски сблизилась с нами.

Проблема в другом: между нами и лидером военного движения было достигнуто соглашение и разработан план. Действия должны были начаться 31 числа в 15:00. После тщательного обсуждения предстоящих задач все было согласовано до последней детали. Началом должно было послужить восстание гарнизона в Сантьяго-де-Куба, ибо я убедил генерала (Кантильо) в преимуществах начала действий на востоке страны, а не в гарнизоне «Колумбия» из-за крайнего недоверия со стороны народа к любой акции, организованной в казармах столицы Республики, и в этом случае было бы очень сложно привлечь народ к участию в движении. Он полностью согласился с моей точкой зрения; его беспокоило лишь сохранение порядка в столице, поэтому мы договорились о мерах по предупреждению опасности.

Эта мера заключалась в наступлении нашей колонны на Сантьяго-де-Куба.

Речь шла о единых действиях военных вместе с народом и нашими силами, своего рода революционном движении, которое с первого же момента должно было завоевать доверие населения всей страны. Мы немедленно – как и договаривались – прекратили все военные операции и начали подтягивать силы к другим объектам, к Ольгину, например, где сопротивление военному революционному движению было почти неизбежным из-за нахождения там отъявленных приспешников режима.

Вчера, когда все приготовления с нашей стороны были закончены, я получил записку, в которой мне давали понять, что согласованная акция не состоится. По-видимому, возникли другие планы, но в то, какие это планы и зачем, меня не посвящали. По сути эти дела уже как будто нас не касались. Мы должны были просто ждать. Все было изменено в одностороннем порядке. Это ставило под удар наши силы, которые – как уже говорилось – были направлены на выполнение сложных операций; кроме того, мы оказывались в зависимости от непредвиденных обстоятельств. Любое рискованное действие со стороны генерала Кантильо во время его частых поездок в Гавану означало для нас полный провал с военной точки зрения. В этот момент, согласитесь, ситуация была весьма неясной, а Батиста – ловкий, хитрый и изворотливый субъект.

Как можно просить нас отказаться от всех преимуществ, достигнутых нами за последние недели, и терпеливо ждать развязки событий?

Я дал ясно понять, что эта акция не могла быть делом одних военных, ради этого, по правде говоря, не стоило переживать жуткие события на протяжении двух лет войны. Сидеть сложа руки в решающие моменты – это единственное, о чем нельзя просить нас, людей, которые вот уже семь лет ведут неустанную борьбу против угнетения.

Хотя вы и собираетесь передать власть революционерам, нас интересует не власть, как таковая, но исполнение Революцией своего предназначения. Кроме того, я опасаюсь, что военные, движимые излишней щепетильностью, помогут бежать главным преступникам, которые увезут за границу свое громадное состояние, чтобы оттуда всячески вредить нашей родине.

Про себя могу добавить, что власть меня не интересует, и брать ее в свои руки я не собираюсь. Я буду лишь неустанно следить за тем, чтобы жертвы, понесенные сотнями и сотнями наших соотечественников, не оказались напрасными, какой бы ни была моя дальнейшая судьба. Надеюсь, вы примите к сведению эти правдивые доводы, которые я излагаю вам со всем уважением к вашему воинскому достоинству. Будьте уверены, вы не имеете дело с честолюбцем или наглецом [...].».

Поставьте танки вон там, будьте добры (возгласы и аплодисменты).

После того, как закончатся наши заявления и будет провозглашен временный президент, танки пройдут перед этими балконами, чествуя тем самым гражданскую власть Республики (аплодисменты).

Вернемся к письму начальнику гарнизона Сантьяго-де-Куба от 31 числа.

«Про себя могу добавить, что власть меня не интересует, и брать ее в свои руки я не собираюсь. Я буду лишь неустанно следить за тем, чтобы жертвы, понесенные сотнями и сотнями наших соотечественников, не оказались напрасными, какой бы ни была моя дальнейшая судьба. Надеюсь, вы примите к сведению эти правдивые доводы, которые я излагаю вам со всем уважением к вашему воинскому достоинству. Будьте уверены, вы не имеете дело с честолюбцем или наглецом [Повторяет абзац письма, который зачитывал до того, как его перебили].

Я всегда и во всем действовал честно и прямолинейно. Победа, достигнутая обманом и лицемерием – не победа. Я говорю лишь на одном языке – языке честных людей, который вы понимаете.

На встрече с генералом Кантильо слово «капитуляция» ни разу не упоминалось, и то, что я сказал вчера, я повторяю сегодня: 31 числа после 15:00, в условленные день и час, мы не могли продлевать перемирие в отношении Сантьяго-де-Куба, поскольку это могло чрезвычайно навредить нашему делу. Неопасных заговоров не бывает. Вчера вечером прошел слух, что генерала Кантильо был задержан в Гаване; что на кладбище в Сантьяго-де-Куба были найдены тела нескольких убитых юношей. Я почувствовал, что мы совершенно бездарно потеряли время, хотя сегодня, к счастью, стало как будто бы точно известно, что генерал Кантильо находится на своем месте. Зачем же нам так рисковать?

А сказал я посыльному относительно капитуляции следующее (эти слова не были переданы вам буквально, что, по-видимому, и послужило причиной вашего сегодняшнего письма): «Если военные действия начнутся из-за невыполнения договоренностей, мы будем вынуждены атаковать гарнизон Сантьяго-де-Куба, и это неизбежно, ибо вся работа за последние месяцы была направлена на выполнение этой задачи, и в данном случае, начав наступление, мы потребовали бы капитуляции у сил, защищающих гарнизон. Это не значит, что мы думаем, что они сдадутся без боя, ибо я знаю, что даже не имея оснований для боя, кубинские военные

упорно защищают свои позиции, что стоило нам многих жизней. Я тогда хотел лишь сказать, что если прольется кровь наших бойцов при захвате какого-либо объекта, другого выхода быть не может, поскольку даже если нам придется заплатить дорогой ценой, город неизбежно перейдет в наши руки виду нынешнего положения сил защищающих режим, которые не смогут поддержать гарнизон. Это было главной целью всех наших операций за последние месяцы, и план подобного масштаба не может быть отложен на несколько недель, без серьезных последствий в случае провала военного движения, когда, кроме того, будет упущен подходящий момент, каким является этот, в то время как диктатура терпит серьезные поражения в провинциях Ориенте и Лас-Вильяс.

Нас поставили перед выбором: отказаться от преимуществ, которые принесли нам наши победы, или атаковать; верная победа – взамен победы вероятной. Как вы думаете, могу ли я, после вчерашней записки – двусмысленной, краткой и излагающей одностороннее решение, взять на себя ответственность за наше дальнейшее бездействие?

Как военный человек, вы должны признать, что просите от нас невозможного. Вы ни на минуту не прекращали рыть траншеи; эти траншеи могут использовать против нас всякие Педрасы, Пилар Гарсии, Канисаресы и им подобные в случае, если генерал Кантильо будет отстранен от командования, а с ним и его люди. Нельзя просить нас о том, чтобы мы продолжали бездействовать. Видите ли, это ставит нас в нелепое положение. Даже если вы будете отважно защищаться с оружием в руках, нам не остается ничего другого, кроме как атаковать, ибо и у нас есть священный долг, который мы должны выполнить.

Я хочу, чтобы мы и все честные военные были не просто союзниками, а товарищами, которых объединяет одно дело – Куба. [...].

Больше всего я не хочу, чтобы вы и ваши товарищи неверно поняли мои действия и чувства. Пишу подробно, чтобы мои мысли не были искажены или ошибочно поняты.

Во избежание каких-либо сомнений в отношении негласного прекращения огня в зоне Сантьяго-де-Куба еще раз повторяю, что, несмотря на то, что в любой момент до начала боев мы можем возобновить операции, начиная с сегодняшнего дня считайте, что вы предупреждены: атака начнется с минуты на минуту, и ни по какой причине мы не приостановим вновь наши планы, поскольку все это – из-за засекреченности передающейся информации – может посеять замешательство среди населения и подорвать дух наших бойцов.

С уважением,

Свобода или смерть».

(Аплодисменты)

Полковник Рего в ответном, преисполненным достоинства письме, которое тоже заслуживает аплодисментов, написал следующее:

«Господин,

Получил ваше любезное письмо, датированное сегодняшним днем (31 декабря 1958 года), и поверьте, я глубоко благодарен вам за разъяснение предыдущей записки, хотя, должен вам признаться, я и без того понимал, что ваши слова были неверно истолкованы, поскольку я уже давно обратил внимание на вашу линию поведения и убедился в том, что вы – человек принципов.

Мне не было известно о подробностях первоначального плана, поскольку я был информирован касательно лишь моих задач, равным образом я ничего не знаю о подробностях нынешнего

плана. Полагаю, вы отчасти правы в своем анализе первоначального плана, однако я думаю, что до момента его исполнения может пройти еще несколько дней, и в любом случае бегства преступников – крупного, среднего и мелкого пошиба – избежать не удастся.

Я из тех, кто думает, что совершенно необходимо, чтобы Куба стала примером для тех, кто, пользуясь своим положением (аплудисменты) совершают разного рода преступления, однако, к сожалению, история изобилует подобными случаями, и в редких случаях виновники могут быть переданы в распоряжение компетентных органов, ибо в редких случаях революции совершаются должным образом.

И поэтому удирают главные виновники, как удрали они, к сожалению, и сегодня».

Читаю дальше:

«В этом случае я прекрасно понимаю ваши опасения. У меня, человека с меньшей ответственностью перед историей, они тоже имеются.

По поводу упомянутых вами односторонних действий, вновь уверяю вас, что я в этом не участвовал. И в том и другом случае я был информирован лишь касательно моих задач. Полагаю, что генерал Кантильо изменил ваш с ним замысел, следуя своим собственным нормам и принципам.

У меня нет оснований предполагать, что кто-либо пытается способствовать побегу виновников, я лично против этого – пишет полковник Рего Рубидо (аплудисменты) – однако если это случится, ответственность перед историей за эти поступки ляжет на тех, кто содействовал этому, и ни в коем случае ни на кого другого.

Я в самом деле полагаю, что все пройдет так, как вы задумали, и что генерал в своих действиях движим самыми лучшими намерениями во благо Кубы и возглавляемой вами Революции.

Мне стало известно об убитом студенте, тело которого было найдено на кладбище, и я сегодня же распорядился начать полное расследование с тем, чтобы установить личность виновника и обстоятельства, при которых было совершено преступление, точно так, как сделал несколько дней назад, пока не передал предполагаемых преступников в распоряжение соответствующих судебных органов.

Наконец, я должен сообщить вам, что направил генералу депешу, задействовав для этого самолет, чтобы доставить ему ваше содержательное письмо. И не волнуйтесь, быть может, в Гаване вы окажетесь раньше даты, назначенной в качестве крайнего срока.

Перед уходом я попросил генерала оставить мне вертолет и летчика на случай, если вы захотите в воскресенье после обеда прогуляться над Сантьяго (Аплудисменты).

В заключение, доктор, примите мои уверения в наивысшем к вам уважении и сердечные пожелания счастливого Нового года.

Подпись: Полковник Рего Рубидо

(Аплудисменты)

В таком ключе шли переговоры, поэтому новость о государственном перевороте, организованном в «Колумбии», полностью выходявшем за рамки согласованного плана застала врасплох и полковника Рего, начальника гарнизона Сантьяго-де-Куба, и меня. Во-первых, самой преступной ошибкой было то, что Батиста, Табернилья и другие главные преступники получили возможность сбежать. (Аплудисменты). Сбежать со своими наворованными миллионами, на

сумму 300 -400 миллионов песо, что обойдется нам ой как дорого! Ведь теперь они, укрывшись в Санто-Доминго и других странах, будут вести пропаганду против Революции, вынашивать планы, чтобы нанести нашему делу наибольший вред. Теперь на протяжении долгих лет они будут угрожать оттуда нашему народу, держать его в постоянной боевой готовности, поскольку будут финансировать и замышлять заговоры против нас. И все это из-за безволия, безответственности и предательства тех, кто сегодня утром помог устроить контрреволюционный переворот.

Что сделали мы? Как только мы услышали по «Радио Прогресо» новость о перевороте я, догадываясь о замышляемых планах, уже делал ряд заявлений, и вдруг узнаю, что Батиста сбежал в Санто-Доминго. Я подумал: «Может, это слухи? Может, это просто утка?» И приказал проверить информацию, как вдруг услышал сообщение, что господин Батиста и его шайка действительно сбежали. И что самое интересное: генерал Кантильо вещал, что эта утренняя акция удалась благодаря патриотизму генерала Батисты. Патриотизму (!) генерала Батисты! Якобы он отказался от власти, чтобы избежать кровопролития! Как вам это нравится? (Возгласы).

Но это еще не все. Чтобы представить, что это был за переворот, достаточно сказать, что Педраса сбежал после того, как был назначен членом Совета. (Смех и возгласы). Думаю, этого достаточно, чтобы понять истинные намерения зачинщиков переворота. Они не назначили президентом Уррутию, объявленного президентом Движением и всеми революционными организациями. (Аплодисменты). Они пригласили самого пожилого из всех судей Верховного суда, людей весьма преклонного возраста(смех); к тому же этот господин вплоть до сегодняшнего дня являлся председателем Верховного суда, где правосудием никогда и не пахло.

Что бы получилось из этого? Своего рода полу-революция, афера, карикатура революции. Этот самый господин хороший – не важно, как его зовут - этот господин Пьедра, если он еще не отказался от должности сам, пусть готовится, когда мы придем в Гавану, он это сделает. (Аплодисменты). Думаю, он не продержится и суток. Побьет рекорд. (смех и аплодисменты).

Назначили этого господина, а дальше как по нотам: Кантильо – национальный герой, рыцарь свободы Кубы, хозяин и повелитель Кубы, с господином Пьедра побоку. Получается, что мы свергли одного диктатора, чтобы посадить другого. По всем статьям акция, организованная в гарнизоне «Колумбия», была контрреволюционной, она полностью отклонялась от намеченной народом цели и была очень подозрительной, а господин Пьедра немедленно обратился с воззванием к повстанцам и с призывом создать комиссию по вопросам мира. А мы должны были сидеть спокойно, сложить оружие, оставить все и идти кланяться господину Пьедра и господину Кантильо.

Было очевидно, что и Кантильо, и Пьедра вели себя так, как будто с луны свалились. Потому как не поняли, что кубинский народ, как я считаю, многому научился, и мы, повстанцы, тоже кое-чему научились.

Таковой была ситуация сегодня утром, но к вечеру она стала другой. К вечеру она в корне изменилась (аплодисменты). Принимая во внимание этот факт, это В предательство, всем командирам повстанческой армии был дан приказ продолжать военные действия и двигаться к намеченным объектам, а всем колоннам, участвующим в операции в Сантьяго-де-Куба - начать немедленное наступление на город.

Хочу, чтобы вы знали, что наши войска были весьма решительно настроены на штурм Сантьяго-де-Куба. Это привело бы к плачевным результатам, поскольку не обошлось бы без кровопролития, и сегодняшний вечер не был бы таким радостным спокойным и не был бы вечером братства. (Аплодисменты).

Должен признаться, что кровавого боя в Сантьяго-де-Куба удалось избежать, в значительной

мере благодаря патриотическим действиям полковника армии Хосе Рего Рубидо (аплодисменты), капитанов второго ранга фрегатов «Максимо Гомес» и «Масео», начальника военно-морского округа Сантьяго-де-Куба (аплодисменты) и офицера, исполняющего обязанности начальника полиции. (Аплодисменты). Все они – было бы справедливо это признать и поблагодарить их за это – способствовали предотвращению кровопролития и переходу утренней контрреволюционной акции в сегодняшнее революционное движение

Нам не оставалось ничего другого, как атаковать, ибо мы не могли допустить закрепления результатов переворота в казарме Колумбия, поэтому мы должны были немедленно штурмовать. Когда наши войска уже подходили к своим объектам, полковник Рего сел на вертолет, чтобы найти меня. Капитаны фрегатов связались с нами и безоговорочно перешли на сторону Революции. (Аплодисменты).

Заручившись поддержкой двух фрегатов с высочайшей огневой мощностью, поддержкой военно-морского округа и полиции, я пригласил на встречу всех офицеров гарнизона Сантьяго-де-Куба, их было более 100 человек. Тогда я им сказал, что я совершенно не боюсь говорить с ними, потому что знаю, что прав; потому что уверен, что они поймут мои доводы, и мы договоримся.

И действительно, поздно вечером мы встретились в Ель-Эскандель со всеми без малого офицерами армии г. Сантьяго-де-Куба, в большинстве своем молодыми людьми, всей душой желающими бороться во благо своей страны. Собрав этих военных, я говорил им о нашем революционном настроении, нашей задаче по отношению к родине, о том, чего мы хотим для нашей страны, о том, как мы всегда относились к военным, о том, какой вред причинила армии тирания Батисты, и что было бы несправедливо одинаково судить обо всех военных; что число преступников среди них было крайне незначительным, и что в армии было много достойных военных, которым, я знаю, отвратительны преступления, насилие и несправедливость.

Военным нелегко было предпринимать какие-то конкретные действия, и понятно почему: самые высокие должности в армии находились в руках всех этих Табернильясов, Пилар Гарсиясов, родственников и приспешников Батисты, когда в Армии царил террор; нельзя было привлечь к ответственности какого-то отдельного офицера .

Военные разделялись на два класса, нам хорошо известно, какие: это военные типа Сосы Бланко, Каньисареса, Санчеса Москеры, Чавиано (крики и свист), которые прославились преступлениями и расстрелами в упор несчастных крестьян. Однако в армии были военные, честно ведущие боевые действия; военные, которые никогда никого не убивали и не поджигали домов. Примерами таких военных был командир Кеведо, попавший к нам в плен после героического сопротивления в битве при Хигуэ, и который по сей день является офицером армии (аплодисменты); командир Сьерра и другие военные, никогда не поджигавшие дома. Этих военных не повышали в звании, в звании повышали преступников, ибо, благодаря стараниям Батисты, преступления вознаграждались. Вот, например, полковник Рего Рубидо: он не обязан своим рангом диктатуре, поскольку ранг полковника у него уже был еще до событий 10 марта. (Аплодисменты).

Факт тот, что я заручился поддержкой офицерского состава армии г. Сантьяго-де-Куба, и офицеры армии Сантьяго-де-Куба безоговорочно поддержали Кубинскую Революцию (аплодисменты). Собравшись вместе, офицеры военно-морского флота, полиции и армии решили осудить бесчестный переворот в казарме Колумбия и поддержать законное правительство Республики, которое пользуется поддержкой большинства населения, в лице Мануэля Уррутии Льео (аплодисменты) и поддержать Кубинскую Революцию. Благодаря такому решению удалось избежать кровопролития, благодаря этому решению сегодня действительно зародилось, истинное революционное военное движение.

Я понимаю, в народе бушует негодование, и оно оправдано. Я понимаю, народ жаждет справедливости, и это желание будет исполнено, ибо справедливость восторжествует

(аплодисменты). Но я хочу просить наш народ, прежде всего, набраться терпения. В настоящий момент мы в первую очередь должны укрепить нашу власть. Первое – это укрепление власти! Затем мы создадим комиссию из самых достойных военных и офицеров Повстанческой армии, чтобы принять надлежащие меры, чтобы призвать к ответственности всех тех, кто этого заслуживает. (Аплодисменты). И возражений не будет! Потому что армия и вооруженные силы больше всех заинтересованы в том, чтобы за содеянное горсткой людей не расплачивался весь корпус, чтобы не было стыдно носить военную форму (аплодисменты); виновники должны быть наказаны, чтобы невиновным не пришлось смывать с себя клеймо позора. (Аплодисменты). Положитесь на нас! Вот о чем мы просим народ, потому что мы выполним наш долг (аплодисменты).

В такой обстановке прошла сегодня настоящая революционная акция в городе Сантьяго-де-Куба – акция народа, военных и повстанцев. (Аплодисменты). Невозможно передать словами энтузиазм военных, и в знак доверия я попросил офицеров войти вместе со мной в Сантьяго-де-Куба, и вот они – все офицеры армии. (Аплодисменты). Вот танки, предоставленные в распоряжение Революции! (Аплодисменты). Вот артиллерия, предоставленная в распоряжение Революции! (Аплодисменты). Вот фрегаты, предоставленные в распоряжение Революции! (Возгласы и аплодисменты).

Не стоит говорить, что Революцию поддерживает народ, об этом не говорят, об этом знают все. Я говорил, что у народа, который когда-то был вооружен ружьишками, теперь есть артиллерия, танки и фрегаты и множество квалифицированных военных специалистов, которые при необходимости помогут нам управлять этой техникой. (Аплодисменты). Да, теперь народ вооружен! Я уверяю вас: если мы не теряли веры, когда нас было всего 12 человек (аплодисменты), то как мы можем потерять ее теперь, когда у нас есть 12 танков.

Хочу пояснить, что сегодня ночью, то есть уже утром, потому что начинает светать, на пост президента Республики вступит выдающийся юрист Мануэль Уррутия Льео. (Аплодисменты). Пользуется ли Уррутия поддержкой народа? (Аплодисменты и крики). То есть, президентом Республики, законным президентом является тот, кого поддерживает народ, и этот человек – Мануэль Уррутия Льео.

Кто хочет, чтобы господин Пьедра был президентом? (Свист и выкрики: «Никто!»). Если никто не хочет, чтобы господин Пьедра был президентом, каким образом нам могут навязать господина Пьера в этом качестве? (Свист). Если таков приказ народа г. Сантьяго-де-Куба, если таково желание всего кубинского народа, я, как только закончится этот акт, двинусь вместе с опытными войсками Сьерра-Маэстры в сопровождении танков и артиллерии на столицу, чтобы исполнить волю народа. (Аплодисменты).

Мы подчиняемся народу. В этот момент воля народа – это закон. Президента выбирает народ, а не тайное собрание в казарме Колумбии в 4.00 часа ночи. (Аплодисменты). Народ избрал президента, и это значит, что с этого момента высшая законная власть Республики считается учрежденной. (Аплодисменты). Ни одна должность, ни одно звание, присвоенное сегодня на рассвете военным советом, не имеет какой-либо законной силы. Все назначения на новые армейские посты аннулированы – речь идет о назначениях по приказам, отданных сегодня утром. Тот, кто примет пост по назначению предательского совета, поступит как контрреволюционер, кем бы он ни был (аплодисменты), и, следовательно, окажется вне закона.

Я абсолютно уверен, что завтра все военное командование Республики одобрит распоряжения президента Республики. (Аплодисменты). Президент немедленно приступит к назначению нового верховного командования армии, военно-морского флота и полиции (аплодисменты) из тех, кто достоин этого благодаря своим выдающимся заслугам перед Революцией и за то, что передали тысячи своих солдат в распоряжение Революции. Я рекомендовал полковника Рего Рубидо на должность главнокомандующего армией. (Аплодисменты). Точно также командующим военно-морского флота будет назначен один из капитанов фрегатов, которые первыми перешли на

сторону революции (аплодисменты), и я посоветовал Президенту Республики назначить на пост начальника полиции командира Эфихенио Амейхейраса, потерявшего троих братьев (аплодисменты), являющегося одним из членов экспедиции яхты «Гранма» и одним из наиболее подготовленных людей повстанческой армии (аплодисменты). В настоящий момент Амейхейрас проводит военную операцию в Гуантанамо, но завтра он будет здесь. (Аплодисменты).

Я прошу лишь дать нам и гражданской власти Республики время на то, чтобы решать – но постепенно – дела так, как желает народ. (Аплодисменты). Я прошу народ лишь об одном: наберитесь терпения. (Возгласы: «Ориенте – федеральная провинция! Ориенте – столица!») Нет-нет! Республика должна оставаться единой всегда при любых обстоятельствах. (Аплодисменты). Требовать нужно восстановления справедливости в провинции Ориенте. Время – важный фактор в любом деле. Революцию нельзя совершить за два дня; но будьте уверены, мы ее свершаем. Будьте уверены: Республика впервые будет по-настоящему и полностью свободной, а народ получит то, чего он достоин. (Аплодисменты). Обретенная власть – не результат политических манипуляций, она досталась нам ценой жизни, принесенных в жертву сотнями, тысячами наших товарищей. Нет иного долга, кроме долга перед народом и Кубой. К власти пришел человек, который никому, кроме народа, ничем не обязан. (Аплодисменты).

Че Гевара (аплодисменты) получил приказ продвигаться на не являющуюся временной столицу Республики, а команданте Камило Сьенфуэгос, возглавляющий вторую колонну «Антонио Масео» (аплодисменты), получил приказ двигаться на Гавану и принять на себя командование гарнизоном Колумбии. (Аплодисменты). Таким образом, будут исполнены приказы президента Республики и распоряжения Революции. (Аплодисменты).

Не вините нас в бесчинствах, происходивших в Гаване. Нас в Гаване не было. В случившихся беспорядках вините генерала Кантильо и участников утреннего путча, решивших, что смогут справиться с ситуацией. (Аплодисменты). В Сантьяго-де-Куба, где свершилась настоящая Революция, царил полный порядок. В Сантьяго-де-Куба народ, военные и революционеры объединились в одно целое, и это несокрушимая сила. (Аплодисменты).

Правительство, верховное командование армии и военно-морского флота будут находиться в Сантьяго-де-Куба, и их распоряжения подлежат обязательному исполнению всеми руководящими органами Республики.

Надеемся, что все честные военные подчинятся этим приказам, ибо военные, прежде всего, служат закону и власти, не той, порочной, которая устанавливается в большинстве случаев, но законно учрежденной власти. (Аплодисменты).

Честным военным нечего бояться со стороны опасаться Революции. В этой борьбе нет побежденных, ибо только народ стал победителем. (Аплодисменты). Потери понесли обе стороны, но все мы объединились, чтобы поддержать Революцию. Честные военные и революционеры в одном братском объятии. (Аплодисменты).

Кровопролития больше не будет. Я надеюсь, что сопротивления не окажет ни одно звено, поскольку помимо того, что сопротивление будет бесполезным и мгновенно сломленным, оно идет против закона, Республики и вопреки настроению кубинского народа. (Аплодисменты).

Сегодняшнее движение нужно было организовать, чтобы через шесть месяцев избежать другой войны. Что произошло, когда правил Мачадо? Один из генералов Мачадо тоже организовал военный переворот, свергнул Мачадо и на его место посадил президента, который продержался на этой должности всего лишь 15 дней; пришли сержанты и заявили, что эти офицеры виновны в диктатуре Мачадо и не пользуются никаким уважением. Закипели революционные страсти, и офицеров выгнали. Теперь такого не случится; теперь офицеры пользуются поддержкой народа, поддержкой войск, их уважают за то, что они присоединились к настоящему революционному движению. (Аплодисменты).

Этих военных будет уважать и ценить народ, не нужно будет прибегать к силе, ходить по улицам с оружием в руках и кого-то запугивать, потому что настоящий порядок, основывается не на силе, но на свободе, уважении и справедливости. Впредь народ будет полностью свободен, народ умеет быть дисциплинированным, как он доказал это сегодня. (Аплодисменты).

Мир, который нужен нашей Родине, достигнут. Сантьяго-де-Куба обрел свободу без кровопролития. Поэтому вокруг столько радости, поэтому военные, не поддержавшие и осудившие сегодня военный переворот в «Колумбии», чтобы безоговорочно примкнуть к Революции, заслуживают нашей признательности, благодарности и уважения. (Аплодисменты). Будущие вооруженные силы Республики должны стать образцово-показательной армией в силу своих способностей, образования и полного осознания дела народа. Оружие впредь будет всегда служить только народу. (Аплодисменты).

Больше не будет военных переворотов, не будет войны, потому что мы позаботились об том, чтобы сегодня не произошло событий времен Мачадо. Эти господа – заметьте сходство сегодняшних событий с падением Мачадо – тогда сделали президентом одного Карлоса Мануэля, сегодня – другого Карлоса Мануэля. (Свист)

На этот раз не будет Батисты (аплодисменты), потому что не потребуется никакого 4 сентября, когда была уничтожена дисциплина вооруженных сил, ведь именно во время Батисты армия стала отличаться недисциплинированностью, потому что его политика состояла в заигрывании с солдатами, чтобы принизить авторитет офицеров. Теперь у офицеров будет авторитет, а в армии – порядок. Будет составлен военно-уголовный кодекс, в силу которого преступления, порочащие права человека, честь и мораль, которые должны быть присущи любому военному, – будут караться должным образом. (Аплодисменты).

Привилегий не будет ни у кого. Повышаться в ранге будут те военные, кто отличится способностями и заслугами, а не родственники или друзья, как это происходило до сих пор, без уважения к порядку присвоений воинских званий.

Будет положен конец любой эксплуатации – как военных, так и рабочих – в виде обязательных взносов. Для рабочих это были профсоюзные взносы, для военных другие расходы: то одно песо в счет Первой дамы страны, то два песо – сюда, то два песо – туда, пока вся зарплата не выходила.

Разумеется, народ ждет от нас многого, и его ожидания сбудутся. Но я говорил о военных: хочется, чтобы они знали, что Революция предоставит им все, в том числе лучшие условия службы, каких у них никогда не было, поскольку, когда из бюджета не будут красться деньги, военным будет гораздо лучше, нежели сегодня. Солдаты не будут полицейскими, солдаты будут осваивать военное ремесло в казармах; им не придется выполнять обязанности полицейских.

Мы (крики: «Машины с радиолокаторами!») ...Никаких радиолокаторов (аплодисменты), хотя должен сказать, что мы, повстанцы, сейчас пользуемся ими, потому что они нам нужны (аплодисменты), однако теперь их не будет у сыщиков, ничего подобного; не будет убийств, покончено со звуком тормозов останавливающихся около дома полицейских машин, никто больше не будет ломиться ночью в двери. (Крики и аплодисменты).

Я уверен, что как только президент Республики вступит в должность, он объявит о восстановлении гарантий и полной свободы печати, всех личных прав граждан в стране (аплодисменты), всех профсоюзных прав и всех прав и требований наших крестьян и всего нашего народа.

Мы не забудем наших крестьян из Сьерра-Маэстры и Сантьяго-де-Куба. (Аплодисменты). Мы не уедем в Гавану, забыв про всех; я хочу жить в Сьерра-Маэстре. (Аплодисменты). По крайней

мере, что касается меня лично, я буду всегда глубоко благодарен и не забуду местных крестьян; и как только у меня появится свободная минута, мы подумаем, где будем строить первый Школьный городок на 20 000 детей. (Аплодисменты). Будем строить при поддержке народа. Работать там будут повстанцы. Попросим от каждого жителя по мешку цемента и по металлическому стержню в качестве арматуры. (Аплодисменты и крики: «Да, да!»). И я уверен, что наше население нам поможет. (Аплодисменты).

Мы не оставим без внимания ни один из слоев нашего народа (Голос из публики: Да здравствует Кресенсио Перес!«).

Да здравствует Кресенсио Перес, потерявший сына в последние дни войны!

Экономика страны немедленно восстановится. В этот году мы займемся сахарным тростником, чтобы он не сгорел. Потому что в этом году сахарные налоги пойдут на покупку оружия, чтобы убивать, бомб и самолетов, чтобы бомбить народ. (Аплодисменты).

Мы займемся связью, уже восстановлена телефонная линия от Хигуани до Пальма-Сориано, будет восстановлена и железная дорога. (Аплодисменты). По всей стране пройдет сбор сахарного тростника, будут установлены хорошие зарплаты, ибо я знаю, что в этом состоит цель президента Республики. Будут установлены хорошие цены, поскольку именно из-за опасения, что сбора сахарного тростника не будет, повысились цены на сахар на мировом рынке; крестьяне смогут собрать свой урожай кофе (аплодисменты); скотоводы смогут продавать своих упитанных коров в Гаване, потому что, к счастью, победа пришла вовремя, чтобы никто не разорился.

Не мне говорить об этом. Вы знаете, что мы люди слова и выполняем то, что пообещали. И мы хотим обещать меньше и делать больше. Меньше обещать народу Кубы и делать больше (Аплодисменты).

Мы не думаем, что все вопросы будут решаться легко, мы знаем, что наш путь полон препятствий, но мы люди, окрыленные верой, и мы всегда сталкивались с большими трудностями. (Аплодисменты).

Народ может быть уверен в одном: мы можем ошибиться и не раз и не два, но никто о нас не сможет никогда сказать, что мы занимаемся воровством, что мы предаем, что мы заключаем грязные сделки, что мы занимаемся фаворитизмом и злоупотребляем привилегиями. (Аплодисменты). Я знаю: народ прощает ошибки, но не прощает наглости, а у нас у власти всегда стояли наглецы. (Аплодисменты).

Вступив на пост президента и начиная с момента принесения присяги народу в качестве президента Республики, доктор Мануэль Уррутия Льео, становится высшей властью нашей страны. (Аплодисменты). Пусть никто не думает, что я намереваюсь осуществлять полномочия, перешагивая через власть президента Республики, я буду первым подчиняться приказам гражданской власти Республики и в этом первым подам пример. (Аплодисменты). Мы просто будем выполнять его распоряжения, и в пределах предоставленных нам полномочий постараемся сделать как можно больше на благо нашего народа, без честолюбия, ибо, к счастью, нам чужды амбиции и тщеславие. Нет выше славы, чем любовь нашего народа! Нет лучше награды, чем эти тысячи поднятых рук людей, окрыленных надеждой, верой и любовью к нам! (Аплодисменты).

Мы никогда не позволим увлечь себя тщеславием и амбициям, потому что, как сказал наш Апостол, «вся слава мира вмещается в одном кукурузном зернышке», и для нас не может быть более высокого удовлетворения и награды, чем исполнение своего долга, что мы делали до настоящего времени и будем делать всегда. Я говорю это не только от своего имени, я говорю это от имени тысяч и тысяч бойцов, которые сделали возможной победу народа. (Аплодисменты).

Я говорю это с глубоким чувством печали и признательности перед погибшими, которые никогда не будут забыты. Мы останемся верны их памяти. На этот раз никто не скажет, как раньше, что память погибших была предана, ибо погибшие будут продолжать вести нас. Нет среди нас Франка Паиса, Хосуэ Паиса, Пепито Тейя и многих других, но их дух и идеи остаются с нами; и только понимание того, что их жертва не была напрасной, восполняет то огромное чувство утраты, которое они оставили в наших сердцах. (Аплодисменты). На их могилах всегда будут свежие цветы. Их дети не останутся без внимания, семьям погибших будет оказываться помощь. (Аплодисменты).

Повстанцы не получают денежного вознаграждения за годы войны. И мы гордимся тем, что не получали жалования за то, что служили Революции; быть может, мы и в дальнейшем будем исполнять наши обязанности, не получая зарплаты нет денег – и не важно, есть воля, и мы сделаем все, что нужно. (Аплодисменты).

Я хочу повторить здесь, то что я уже сказал в «История меня оправдает»: мы также позаботимся, чтобы дети военных, погибших в боях с нами, не остались без еды, поддержки и образования, ибо они не виновны в зверствах тирании. (Аплодисменты). Мы будем великодушны ко всем, ибо, повторяю, здесь нет побежденных, есть победители. Караться будут лишь военные преступники, ибо того неизбежно требует справедливость. (Аплодисменты). Народ может быть уверен, что этот долг мы выполним. Там, где есть справедливость, нет места для мести. Чтобы завтра не было покушений, сегодня должна свершиться справедливость. Восторжествует справедливость, исчезнут месть и ненависть. Мы предадим изгнанию ненависть в Республике, сотрем ее, как проклятое темное пятно, которое оставили после себя честолюбие и угнетение. (Аплодисменты).

Жаль, что сбежали главные преступники. Многие, их тысячи, хотели бы преследовать их, но мы должны уважать законы других стран. Это далось бы нам легко, ведь у нас хватает желающих пуститься в погоню за этими преступниками, ради этого они готовы рискнуть жизнью. Однако нам бы не хотелось, чтобы о нас думали, как о народе, нарушающем законы других народов; мы будем уважать законы других стран, если соблюдаются наши законы. Но предупреждаю: если в Санто-Доминго начнут замышляться заговоры против Революции... (Крики: «Трухильо!»). Да-да, Трухильо. Помнится, я думал, что Трухильо причинил нам вред тем, что продавал оружие Батисте, однако дело было не в продаже оружия, а в том, что оно было такого плохого качества и когда попало в наши руки, ни на что не годилось. (Смех и аплодисменты). Тем не менее, он продавал бомбы, а бомбами было убито много крестьян. Не хочется даже возвращать ему винтовки, они никуда не годятся, хочется отплатить ему втридорога.

Естественно, жертвы политических репрессий из Санто-Доминго первыми обретут здесь дом и убежище. Все те, кто подвергаются политическим преследованиям со стороны диктатур, обретут у нас надежный кров и понимание, потому что нас тоже преследовали по политическим мотивам.

Если Санто-Доминго превратится в оплот контрреволюции, если Санто-Доминго превратиться в базу для заговоров против Кубинской Революции, если эти господа начнут замышлять заговоры, то лучше им побыстрее покинуть Санто-Доминго, ибо там они уже не будут в безопасности. (Аплодисменты). Это будем не мы, зачем нам вмешиваться в проблемы Санто-Доминго, это будут сами доминиканцы, которые последуют примеру Кубы, и ситуация там может стать достаточно серьезной. (Аплодисменты). Доминиканцы поняли, что с тиранией можно бороться и ее победить. Именно этого примера больше всего опасались диктаторы, этого вдохновляющего для Латинской Америки примера нашей Родины. (Аплодисменты).

Вся Латинская Америка следит за курсом и судьбой этой Революции. Ее глаза обращены на нас. На этом пути нас сопровождают лучшие пожелания победы латиноамериканских народов. Они поддержат нас в трудную минуту. Сегодняшняя радость – не только радость Кубы, радуется вся Латинская Америка. Сегодня она радуется за нас, кубинцев так же, как радовались мы, когда свержали кого-то из диктаторов в Латинской Америке.

Я должен заканчивать, хотя ум захватывает волна мыслей и радостных переживаний, вызванных беспорядочной и суматошной чередой нынешних событий. Я начал говорить и не закончил вот какую идею: справедливость восторжествует, жаль, что главным преступникам удалось сбежать, чья это вина – мы знаем, народ знает по чьей вине им удалось сбежать, оставив за собой – нет, не самых незадачливых, а самых бестолковых, у которых не было денег, то есть рядовых исполнителей, выполнявших приказы главных преступников. Чтобы на тех, кто нес меньшую ответственность за преступления, пал гнев и возмущение народа. Нет, это правильно, что их нужно примерно наказать, чтоб было неповадно.

Как всегда, народ их предупреждает: виновники сбегут, они останутся. Так и получается, виновники бегут, а те остаются, вот пусть и получают наказание. (Аплодисменты). Главные виновники убегают, но и их ждет кара. Тяжело, очень тяжело жить всю жизнь вдали от родины, ибо поспешно сбежавшие преступники и воры, по меньшей мере, преступники и воры, будут приговорены к пожизненному ostracismu.

Посмотреть бы сейчас одним глазком, как говорят в народе, на господина Батисту! На этого храбреца, на этого позера, который ни в одном своем выступлении не обходился без того, чтобы не назвать трусами, ничтожествами и бандитами всех остальных! Здесь же бандитами никого не называют, нет такой ненависти, высокомерия, презрения к окружающим, какие чувствовались в выступлениях диктаторов. Человек, который, по его собственным словам, вошел в гарнизон Колумбия с одним патроном в пистолете (возгласы), сбежал рано утром на самолете с одним патроном в пистолете. (Крики). Это факт стал доказательством того, что диктаторы никакие не храбрецы или самоубийцы, как только подходит их час, они удирают как трусы. Жаль, честное слово, что он сбежал, ведь имелись шансы взять его в плен, а если бы мы взяли в плен Батисту, мы отняли бы у него наворованные им 200 миллионов песо. (Аплодисменты). Мы потребуем возвращения этих денег, где бы они ни находились! (Аплодисменты). Это не политические, а самые вульгарные преступники. Посмотрим, кто из них появится в посольствах, если только господин Кантильо не выдал им уж охранное свидетельство. Проведем четкую границу между политическими и обычными преступниками. Убежище – для политических преступников, для вульгарных преступников – ничего. Последние должны будут предстать перед судом и доказать, что они политические преступники. Если же выяснится, что это обычные преступники, их передадут властям. (Выкрики: «Мухаль, Мухаль!»). А про местонахождение Мухалья, несмотря на его размеры и полноту, ничего не известно. (Возгласы). Никто не знает, где он. Как быстро они исчезли! Не могу понять, как вы еще помните этих жалких субъектов! (Смех) Народ, наконец, свободен от этого сброда.

Говорить теперь может каждый, хорошо ли, плохо ли, но теперь может высказаться любой человек. Не так, как это было раньше: говорили всегда они и всегда плохо. (Возгласы). Будет полная свобода (слова), потому что ради этого свершалась Революция; свобода будет предоставлена всем, в том числе нашим врагам – чтобы они могли нас критиковать и атаковать; ибо будет отрадно сознавать, что воюют они с нами с полной свободой, свободой, которую мы помогли завоевать для всех. (Аплодисменты). Мы никогда не примем их слова за обиду, мы будем всегда защищаться и следовать единственному правилу – уважать право и убеждения других.

Эти люди, чьи имена здесь были упомянуты... Бог знает, в какое посольство, на какой пляж, на какой корабль их забросило. Достаточно знать, что мы от них избавились, ну а если у них остался здесь какой-нибудь домик, или поместье или коровка, нам придется это просто-напросто конфисковать.

Должен предупредить, что чиновникам тирании, ее представителям, сенаторам, мэрам и всем тем, кто не принимал непосредственного участия в хищении государственной казны, но получал зарплату, придется вернуть все до последнего сентаво из полученного за эти четыре года жалования, ибо эти деньги они получали незаконно. Все эти сенаторы и представители должны

будут вернуть Республике полученные деньги, в противном случае, мы конфискуем их имущество.

И не говорю о хищениях, ибо у того, кто воровал, не останется ничего от наворованного, поскольку это первый закон Революции. Разве это справедливо, когда человека, укравшего курицу или индюка, сажают в тюрьму, а наворовавшие несколько миллионов песо живут в свое удовольствие. Пусть поберегутся! (Аплодисменты). Пусть поберегутся нынешние и завтрашние воры. Пусть они поберегутся, ибо революционный закон может обрушиться на плечи преступников всех времен, ибо Революция приходит к победе, не имея обязательств перед кем-либо, кроме народа, которому она обязана своей победой. (Аплодисменты).

Я заканчиваю. (Восклицания: «Нет!»). На сегодня пока все. (Восклицания: «Нет!»). Напомню вам, что я должен немедленно выезжать, это моя обязанность, ну и вы уже долго на ногах. (Восклицания: «Нет, нет!»).

Я вижу такое множество белых, красно-черных флагов на платьях наших соратниц, что не хочется уходить с этой трибуны, где мы, все мы, присутствующие здесь, пережили самые волнующие в нашей жизни моменты. (Крики и аплодисменты).

О Сантьяго-де-Куба мы будем вспоминать с искренней любовью. О том, как мы встретились здесь с вами, о митинге на Аламеде, митинге на проспекте... (Крики: «Троча!»). Да, и на Троче, где я когда-то сказал, что если наши права будут отобраны у нас силой, то мы поменяем метлы на винтовки. В тех заявлениях тогда обвинили Луиса Орландо, я же придержал язык. В газете говорилось, что Луис Орландо сделал эти заявления, а это был я; однако я был не уверен в верности этих высказываний, потому что тогда не было... (Смех). В результате на оружие пришлось поменять все: студентам – свои книги и карандаши; крестьянам – свои орудия труда; нам пришлось поменять на винтовки все. К счастью, винтовки выполнили свою миссию. Теперь винтовки будут храниться под рукой у тех, на кого будет возложена задача по защите нашего суверенитета и наших прав.

Но когда над нашим народом нависнет опасность, будут сражаться не 30-40 тыс. бойцов вооруженных сил, а будут бороться 300, 400 или 500 тысяч кубинцев – мужчин и женщин, которые способны держать оружие в руках. (Восклицания и аплодисменты). Оружия будет достаточно для того, чтобы вооружить каждого, кто пожелает сражаться, когда придет час защищать нашу свободу. (Аплодисменты). Было доказано, что на Кубе сражаются не только мужчины, но и женщины. (Аплодисменты). Самым лучшим доказательством этого служит взвод «Мариана Грахалес», который так замечательно отличился в самых разных сражениях. (Аплодисменты). Женщины такие же превосходные солдаты, как и самые лучшие солдаты-мужчины. (Аплодисменты).

Я хотел доказать, что женщины могут быть хорошими солдатами. Сначала эта идея продвигалась трудно из-за многочисленных предрассудков. Некоторые мужчины, возражали: дескать, как можно давать женщине винтовку, если есть мужчины с ружьями. А почему бы и нет?

Я хотел доказать, что женщины могут стать такими же хорошими солдатами, что в отношении женщин существует много предрассудков, что женщины являются частью нашей страны, нуждающейся в восстановлении своих прав, поскольку они были жертвами трудовой дискриминации и во многих других аспектах жизни. (Аплодисменты).

Мы организовали отряды из женщин, которые доказали, что женщины могут сражаться. А когда в стране сражаются мужчины, и могут сражаться женщины – такой народ непобедим.

Мы создадим силицию или резервы, состоящие из женщин-добровольцев, и организуем их постоянную подготовку. И эти девушки, одетые в платья черно-красного цвета «Движения 26

июля», я уверен, тоже научиться владеть оружием. (Аплодисменты).

И эта Революция, которая стоила столько жертв, наша Революция!, Революция народа – это прекрасная и несокрушимая реальность! Сколько причин для заслуженной гордости! Сколько причины для искренней радости и надежды для всего нашего народа! Я знаю, что не только здесь в Сантьяго-де-Куба, а от Майси до мыса Сан-Антонио.

Я полон надежд, что увижу народ на всем протяжении нашего дороги к столице, ибо знаю, что это те же надежды, та же вера всего восставшего народа, который терпеливо переносил все несчастья, которого не сломил голод; народа, который запротестовал, когда мы дали три дня на восстановление связи, чтобы люди не голодали. (Аплодисменты). Это правда, ибо люди хотели добиться победы любой ценой. Этот народ заслуживает лучшей судьбы, по праву заслуживает счастья, которого он не добился за 50 лет респ добился за 50 лет республики; заслуживает того, чтобы по уму, доблести, и стойкости встать в один ряд с передовыми народами мира! (Аплодисменты).

Пусть никто не думает, что я делаю демагогические заявления, что я стремлюсь заигрывать с народом. Я уже достаточно доказал свою веру в народ, потому что когда с 82 товарищами я высадился на берег Кубы, люди говорили, что мы безумцы, и спрашивали нас, почему мы думаем выиграть войну, я ответил: потому что с нами народ. (Аплодисменты).

И когда мы потерпели первое поражение, когда осталась лишь горстка людей – мы продолжили борьбу, так как, веря в народ, мы знали, что победа реальна. Нас рассеивали пять раз в течение 45 дней, но мы вновь соединялись, чтобы продолжить борьбу. Это только потому, что мы верили в народ. И сегодняшний день – лучшее доказательство тому, что наша вера была оправданной. (Аплодисменты).

Я глубоко удовлетворен тем, что верил в народ Кубы и привил эту веру моим товарищам. Сегодня это уже не просто вера – это абсолютная уверенность во всех наших людях, и мы хотим, чтобы вы всегда верили в нас, так же как мы в вас. (Аплодисменты).

Республика не стала свободной в 1895 году, и мечты бойцов армии мамби (Освободительная армия кубинского народа, воевавшая в 1895-1898 годах за освобождение своей родины от испанского колониального гнета. прим. переводчика) в самый последний момент не стали реальностью. Революция не совершилась в 1933 году и потерпела поражение от ее врагов. На этот раз на стороне Революции весь народ, все революционеры, все честные военные. Их сила настолько велика и неудержима, что победа обеспечена!

Мы можем сказать с радостью, что впервые за четыре века основания нашей страны, мы станем полностью свободными (аплодисменты), и дело бойцов армии мамби восторжествует!

Несколько дней назад, 24 декабря, я не смог побороть желание навестить свою мать, которую я не видел много лет. Возвращаясь ночью по дороге, пересекающей Мангос-де-Барагуа, мы, сидевшие в машине, испытывали такие глубокие чувства, что не смогли не остановиться в этом месте, где возвышается памятник в честь героев Протеста в Барагуа и Вторжения освободительной армии. Пребывание в этом месте в этот час, воспоминания о героических подвигах, совершенных в ходе воин за независимость, мысль о том, что люди, сражавшиеся в течение 30 лет, так и не увидели осуществленными свои мечты, что республика потерпела поражение, предчувствие того, что революция и родина, о которой они мечтали, скоро станет реальностью, заставило нас испытать одно из самых волнующих чувств, которое только можно себе представить.

Передо мной ожили те с их духом самопожертвования, который так близок нам. Я размышлял об их чаяниях и стремлениях, которые являются также и нашими, и я подумал, что нынешнее поколение кубинцев должно воздать и уже воздает дань самой горячей признательности и

верности героям нашей независимости.

Те люди, которые погибли в наших трех войнах за независимость, соединяют сегодня свои усилия с усилиями тех, кто погиб в этой борьбе; и всем погибшим, боровшимся за свободу, мы можем сказать, что, наконец, настал час, когда их мечты воплотятся в действительность.

Настал час, когда, наконец, все вы, наш прекрасный и благородный народ, полный энтузиазма и веры, народ, который любит не за деньги, верит не за деньги и дарит свою любовь людям сверх всех заслуг, будете иметь все, в чем нуждаетесь. (Аплодисменты).

Мне осталось лишь добавить – со всей скромностью, искренностью и глубоким волнением, что мы, революционные бойцы, всегда будем вашими верными служителями, единственным девизом которых станет служить народу. (Аплодисменты).

Сегодня Мануэль Уррутия Льео, вступая на пост президента Республики, сказал, что Революция – справедлива (аплодисменты), поэтому я передаю ему свои законные полномочия, которые я осуществлял в качестве представителя высшей власти в пределах освобожденной территории, каковой ныне является вся наша родина, и буду выполнять порученные им обязанности. В его руки переходит вся власть Республики. (Аплодисменты).

Наше оружие с почтением склоняется перед гражданской властью гражданско-правовой Республики Куба. (Аплодисменты). Излишне говорить, что мы надеемся, что он выполнит свой долг, ибо уверены в том, что он сумеет это сделать.

Я передаю свои полномочия временному президенту Республики Куба, и передаю слово народу.

Большое спасибо.

(Овация)

VERSIONES TAQUIGRAFICAS - CONSEJO DE ESTADO

Source URL: [http://www.comandanteenjefe.info/ru/discursos/vystuplenie-glavnokomanduyushchego-fidelya-kastro-rusa-v-skvere-karlos-manuel-de-sespedes?page=0%2C35%2C0%2C0%2C0%2C0%2C0%2C0](http://www.comandanteenjefe.info/ru/discursos/vystuplenie-glavnokomanduyushchego-fidelya-kastro-rusa-v-skvere-karlos-manuel-de-sespedes?page=0%2C35%2C0%2C0%2C0%2C0%2C0%2C0%2C0)

Links

[1] <http://www.comandanteenjefe.info/ru/discursos/vystuplenie-glavnokomanduyushchego-fidelya-kastro-rusa-v-skvere-karlos-manuel-de-sespedes>